

стоятельными историческими и философскими взглядами, поддерживающими или обосновывающими моральные идеи внутри их собственных культур.

Перевод с английского О. Зубец

А.В. Максимов¹

Понятие морали не опирается на какой-либо наглядный образ, оно вычленяет свой объект из синкретической реальности человеческого духа и социальных отношений и в этом смысле «конструирует» мораль, создавая ее идеализированную модель. Моральные нормы и мотивы, какими бы необычными и возвышенными они ни были, обитают не в метафизических эмпириях, а в обычном «эмпирическом» сознании, органично вписанном в мир естественной каузальности, поэтому они не нуждаются для своего описания и объяснения в каких-либо трансцендентальных идеях. Ученый-этик, в отличие от ученого-физика, носит с собой, в себе профессиональную «лабораторию»: в его распоряжении – эмпирическая база этической теории, т.е. его собственные моральные установки и мотивы, а также исследовательский инструмент – рефлектирующий разум, выполняющий необходимые операции с эмпирическим материалом: абстрагирование, анализ, обобщение, классификацию и проч. Ученый вправе использовать метод интроспекции (самонаблюдения), основываясь на презумпции сходства или идентичности ценностных принципов и основных психологических механизмов морального сознания у подавляющего большинства представителей человеческого рода (исключая некоторые экзотические сообщества и лиц с серьезной психической патологией). Использование возможностей этой «лаборатории» позволяет критически переосмыслить пришедшие из прошлых эпох умозрительные концептуальные схемы, во многом определяющие характер и содержание современной этической мысли, уточнить понятийный и терминологический аппарат этики, в том числе понятие морали и слово «мораль».

Но возможно ли в принципе дать правильное определение морали? Необходимым условием реализации такой возможности должен быть сам факт существования единственного в своем роде феномена, ассоциируемого современ-

¹ Леонид Владимирович Максимов — профессор, ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН; автор монографий «Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли» (2003), «Природа моральных абсолютов» (в соавт. с Г.В. Кузнецовой) (1996), «Проблема обоснования морали: логико-когнитивные аспекты» (1991).

ным культурным сознанием со словом «мораль» (или его синонимами), при исключении явно побочных, дополнительных значений, которыми нагружено это слово в его обыденно-разговорном и литературном употреблении. В общественном сознании имеется некоторое интуитивное (т.е. нерerefлектированное) понимание того, что такое мораль, понимание, на которое фактически и опираются разные этические теории, даже если даваемые ими трактовки морали значительно расходятся между собой. Приступая к определению морали, мы уже заранее знаем – на интуитивном уровне – что такое мораль; задача определения – эксплицировать и вербализовать это имплицитное знание.

Определить мораль как особый ценностно-нормативный феномен человеческого духа – значит отличить его от других, неморальных ценностно-нормативных духовных феноменов, отличить как по содержанию (предметной направленности) ценностных позиций, так и по характеру их интенциональности (побудительной силы, мотивации). Расхождения по поводу специфических признаков морали касаются в основном содержания ее принципов и норм, поскольку теоретиков морали в первую очередь интересует, что именно она предписывает и запрещает, одобряет и осуждает и каков, так сказать, «общий знаменатель» всех этих максим и вердиктов, какой единой формулой, выражающей суть, природу морали, они могут быть описаны.

Этическая мысль выработала ряд таких формул, претендующих на адекватную репрезентацию фундаментального «нравственного закона», из которого могут быть выведены конкретные моральные нормы и максимы. Золотое правило нравственности, Кантов категорический императив, утилитаристский принцип максимизации счастья – наиболее известные из множества попыток представить в лапидарной форме квинтэссенцию моральности. Все эти формулы многократно подвергались в философско-этической литературе критике с тех или иных мировоззренческих или ценностных позиций, причем самым сильным (хотя и не всегда явно высказанным и осознанным) критическим аргументом было указание на их несоответствие (или неполное соответствие) обычному, интуитивному пониманию того, какие именно реалии фактически оцениваются моральным сознанием как «добрые» и «должные». Но даже если удалось бы найти не вызывающую сомнений, общезначимую формулу такого рода, это не позволило бы четко и однозначно вычлнить объект исключительно моральных требований, поскольку то, к чему мораль призывает и понуждает, может быть предметом также и иных, неморальных велений, устремлений и чувств. Поэтому упомянутые популярные сентенции (как и многие другие императивы – не вреди, помоги нуждающемуся, уважай старших и пр.) можно считать собственно

моральными только в том случае, если к их исполнению человек побуждаем эксклюзивным моральным вменением, особого рода интенцией.

Моральные нормы и установки специфичны не столько в содержательном, сколько в интенциональном отношении. Конечно, моральная интенция всегда связана с тем или иным содержанием (т.е. направлена на определенный предмет), однако это содержание исторически и «культурально» переменчиво, его единая основа с трудом угадывается в абстрактных формулах «нравственного закона», тогда как уникальная интенция морального сознания инвариантна в социальном времени и пространстве, она вполне автономна по отношению к содержанию моральных норм и оценок и в принципе совместима с любым содержанием (хотя фактически содержательное многообразие моральных регулятивов всегда было так или иначе ограничено). Именно наличие этой единой интенции является показателем морального статуса разных по содержанию норм и оценок.

Поскольку понятие интенции в этическом контексте почти полностью перекрывается понятием долженствования, использование которого в философско-этической литературе имеет давние традиции, вполне уместно обратиться к проблеме определения и интерпретации именно этого последнего понятия. Долженствование всегда выступало в двух ипостасях: как некое внешнее (по отношению к индивиду или человечеству вообще) понуждение и как внутреннее побуждение. В обоих случаях моральная интенция проявляет себя в своей специфике только в ситуации конфликта между требованиями морали и какими-либо интересами людей; поэтому, даже будучи собственным внутренним побуждением индивида, она воспринимается одновременно и как нечто чужеродное, «не свое», как безличный (и в этом смысле объективный) императив. Именно безличность («квазиобъективность») является основным специфицирующим признаком морального долженствования. Некоторые другие свойства, фигурирующие в этической литературе в качестве характеристик моральных императивов – универсальность, категоричность, приоритетность и др., – могут рассматриваться как выражающие специфику морали только при определенных (отнюдь не общепризнанных) философских допущениях.

Если содержательная составляющая морального сознания в принципе поддается констатирующему описанию (при всех отмеченных выше сложностях, сопутствующих решению этой задачи), то интенциональный компонент принципиально не может быть описан через другие (не синонимичные ему) понятия и не может быть дефинирован по стандартной схеме – через указание рода и видового отличия. Поскольку моральное долженствование есть особое переживание, чувство, т.е. реалья внутреннего мира, психики, то оно, как и лю-

бое другое человеческое переживание, не поддается подобным определениям. Попытка разъяснить понятие долженствования посредством синонимов и эпитетов не решает проблемы, ибо сущностные признаки определяемого денотата остаются при этом не выявленными. Каждый индивид, осваивая в процессе социализации нормы и ценности своей референтной группы и соответствующую им языковую символику, в определенных жизненных ситуациях испытывает (переживает) состояния морального долженствования и запрета, одобрения и осуждения, учится идентифицировать эти субъективные состояния и выражать их в адекватных терминах.

Leonid Maksimov¹

The concept of morality is not based on any ostensive gestalt – it singles out its object from the syncretistic reality of human spirit and social relationships, thereby “constructing” morality by creating its idealised model. Moral norms and motives, no matter how unusual or elevated, do not dwell in metaphysical empyrea, but rather the commonplace “empirical” consciousness that organically fits into a world of natural causality, so they require no transcendental ideas for us to describe them.

Unlike physicists, ethicists carry their own professional laboratories with them (and inside themselves) all the time: they have the empirical basis of ethical theory at their disposal, namely, their own moral guidelines and motives, as well as instruments of research, namely, a reflecting mind that performs the necessary operations on empirical material such as abstraction, analysis, generalisation, classification and so on. A scientist is entitled to use the method of introspection, or self-observation, using the presumption of similarity, or identity, of axiological principles and primary psychological mechanisms pertaining to a moral consciousness in the overwhelming majority of representatives of Homo Sapiens (with the exception of a number of exotic societies and individuals with serious psychological pathologies). By using the opportunities given by this “laboratory”, one can rethink certain speculative conceptual schemes dating from epochs long past, which largely define the character and essence of the modern ethical thought and bring a greater

¹ Leonid Maksimov – Professor, Leading Research Fellow, Ethics Department, Institute of Philosophy, RAS. Author of “Cognitivism As a Paradigm of the Mental Philosophy and the Humanities”(2003), “The Nature of Moral Absolutes”. (1996) (with G.V. Kuznetsova), “The Problem of Justification of Morality. Logical and Cognitive Aspects” (1991).